

ШВЕДСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Комаров Алексей Алексеевич, руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН. Фонд «Янтарный мост» реализует совместные проекты с ИВИ РАН. В конце июня 2011 года в Москве состоится международная конференция «Балтийское соседство: взаимные представления на фоне эпох и событий», организуемая Институтом всеобщей истории РАН и фондом «Янтарный мост».

Шведский нейтралитет был заметным внешнеполитическим феноменом периода холодной войны и существования биполярной системы. Его классическая формула: соблюдение политики свободы от союзов в мирное время – с целью сохранения нейтралитета в случае войны. Извне нейтралитет воспринимался как национальное богатство Швеции.

Ключевым элементом внешнеполитической идентичности Швеции почти два столетия был нейтралитет. В течение многих десятилетий политика шведского нейтралитета представляла одну из наиболее существенных особенностей страны в восприятии других государств, в том числе России. В русскоязычном Словаре ассоциаций (<http://www.slovesa.ru>) одним из главных прилагательных к слову «нейтралитет» значится «шведский».

Общим местом текстов советского времени о Швеции, включая справки МИД СССР, является упоминание о длительном опыте неучастия страны в войнах (с 1814 г.), а также о том, что на протяжении нескольких поколений шведский народ привык, что «какие бы военные потрясения или конфликты не происходили в мире – Швеция остается «нейтральной»».

Так, во время Первой мировой войны Швеция и ее скандинавские соседи Дания и Норвегия сумели сохранить свой нейтралитет. После войны и Октябрьской революции в России геополитическая ситуация в Скандинаво-Балтийском регионе радикально изменилась. Царство Польское, Великое княжество Финляндское и губернии Прибалтийского края вышли из состава Российской империи и образовали независимые государства Польшу, Финляндию, Латвию, Литву и Эстонию. Для Советской России, охваченной гражданской войной, было важно урегулировать отношения с образовавшимися из западных окраин империи новыми пограничными государствами, или, как их стали называть дипломаты, лимитрофами. Первым советским мирным договором, заключенным с капиталистическим государством запада, оказался советско-эстонский договор, подписанный в Тарту в 1920 году. При этом если отношениям с прибалтийскими государствами и Финляндией уделялось первостепенное значение, то скандинавские страны оказались в тот период на периферии советских внешнеполитических интересов. Швеция, правда, вплоть до полосы дипломатических признаний Советского Союза странами Запада в 1924 году,

играла для молодой республики роль своеобразного окна в Европу.

По мере нарастания опасности возникновения войны в 1930-е годы усиливался интерес Советского Союза к Северной Европе. Об отношении СССР к проблемам безопасности на скандинавском плацдарме и северному нейтралитету

в этот период можно, например, узнать из статей, публиковавшихся в «Правде». Орган ЦК ВКП(б) считал глубочайшим заблуждением надежду на то, что так называемая политика нейтралитета, хотя бы и подкрепленная вооружениями, может спасти от агрессии. Газета полагала, что малая страна только тогда может перестать быть разменной монетой в игре империалистов и только тогда может соблюдать нейтралитет, когда этот нейтралитет опирается на реальную силу. Сдержанно Советский Союз относился и к деятельности держав группы Осло, активно обсуждавших на своих встречах тему нейтралитета.

Начало Второй мировой войны, советско-финская зимняя война и оккупация Германией Дании и Норвегии положили конец североευропейским надеждам сохранить нейтралитет. То, что удалось во время Первой мировой войны, не удалось во время Второй. Лишь Швеция сумела остаться нейтральной. Немедленно после нападения 9 апреля 1940 года фашистской Германии на Данию и Норвегию глава советского правительства и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов дал знать германскому послу в Москве, что Советский Союз желает, чтобы нейтралитет Швеции не был нарушен. Позднее в ходе беседы со шведским посланником в СССР П. Ассарссоном В.М. Молотов заявил, что «политику нейтралитета нужно последовательно применять, а, следовательно, когда нужно, то и защищать». Советский нарком считал, что в сложившихся условиях политика нейтралитета, проводимая Швецией,

Первая в мире женщина-посол А.М.Коллонтай в своем рабочем кабинете

«является наиболее целесообразной». Полпред Советского Союза в Швеции А.М. Коллонтай отметила в дневниковых записях, что одним из основных её личных достижений в период работы в Стокгольме в годы войны явилось «правильное проведение политики Советского Союза в Швеции с тем, чтобы удерживать Швецию от оказания помощи и вступления в войну на стороне наших врагов».

Политика нейтралитета Швеции в годы Второй мировой войны не была последовательной. До 1943 года её правительство вело политику уступок в пользу гитлеровской Германии. Одним из наиболее известных отступлений Швеции от политики нейтралитета считается разрешение, данное на транзит полностью экипированной немецкой дивизии «Энгельбрехт» из Норвегии в Финляндию непосредственно после нападения Германии на Советский Союз.

Проблемы северного нейтралитета вообще и шведского в частности актуализировались для творцов советской внешней политики после окончания Второй мировой войны, в 1948–1949 годах, когда в Швеции, Норвегии и Дании шло активное обсуждение плана создания Скандинавского оборонительного союза на нейтралитетской основе. Переговоры о создании такого союза инициировала Швеция вскоре после того, как 6 апреля 1948 года в Москве был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и Финляндией.

В МИД СССР считали, что Швеция в случае нового конфликта великих держав надеется вновь остаться в стороне от военных действий и «по-прежнему делает ставку на «нейтралитет»». Советские дипломаты полагали, что если бы Скандинавский оборонительный союз возник, он оказался бы привязанным к создаваемому западному блоку. На официальном уровне Советский Союз свое отношение к планируемому союзу обозначать не стал, но в статьях советских журналистов и в беседах дипломатических представителей СССР за рубежом идея его создания подвергалась критике. В начале 1949 года стало окончательно ясно, что три скандинавские страны не сумеют договориться о создании оборонительного союза. В феврале 1949 года Пятым Европейским отделом МИД СССР была подготовлена краткая справка «Неудача переговоров о создании скандинавского военного блока и вопрос о «нейтральной» позиции Швеции». По мнению автора справки М. Александрова-Агентова, несмотря на то обстоятельство, что правительство Швеции продолжало «лицемерно заявлять о своем намерении проводить политику нейтралитета», в случае военного конфликта страна не колебалась «примкнет к блоку Западных держав».

В апреле 1949 года Норвегия и Дания присоединились к НАТО.

После того как был создан Североатлантический блок, отношение к нейтралитету начало меняться. Ней-

тралитет можно не любить, но очевидно, что он предпочтительнее участия соседнего государства в противостоящем военном блоке. Когда Норвегия и Дания, отказавшись от варианта Скандинавского оборонительного союза, выбрали членство в НАТО, ценность нейтралитета в системе советских внешнеполитических приоритетов существенно повысилась. Идея распространения шведского нейтралитета на другие скандинавские страны стала казаться весьма привлекательной. Считалось, что Норвегия и Дания являются «слабым звеном в Атлантическом блоке» и что «имеются основания рассчитывать на успех наших мероприятий, направленных на подрыв позиций Атлантического блока в Скандинавии и на развитие движения за нейтралитет».

После смерти Сталина и особенно с середины 1950-х годов, в связи с «первой разрядкой», журналисты, юристы и историки стали много писать о нейтралитете в открытой печати. В советский политический лексикон в эти годы прочно вошло понятие «активный», или «позитивный нейтралитет». Проводимая Швецией политика нейтралитета стала использоваться в качестве положительного примера для других государств, в первую очередь скандинавских членов НАТО. Это новое отношение было связано как с переменами в советской внешней политике и курсом на мирное сосуществование государств с различными социальными системами, так и с переменами в шведской внешней политике.

Важно отметить, что под влиянием опыта Второй мировой войны, оказавшего существенное воздействие на шведскую идентичность, внешняя политика Швеции стала более активной. В послевоенное время в основу её внешнеполитической активности была положена деятельность, направленная на укрепление мира, международной безопасности, а также на участие в работе ООН. В период холодной войны Швеция постоянно декларировала строгую приверженность своей внешнеполитической доктрине, в классическом виде сформулированной министром иностранных дел Эстеном Унденом: соблюдение политики свободы от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета в случае войны.

Разрядка на международной арене, символом которой стала состоявшаяся летом 1955 года четырехсторонняя встреча на высшем уровне в Женеве, привела также к активизации дипломатических отношений СССР и стран Северной Европы. В 1955–1956 годах в Советском Союзе с визитами побывали премьер-министр Норвегии Эйнар Герхардсен, премьер-министр Швеции Таге Эрландер в сопровождении министра внутренних дел Гуннара Хедлунда и

премьер-министр Дании Ханс Хансен. Эти контакты на высшем уровне привели к потеплению советско-скандинавских отношений. В совместном советско-шведском коммюнике, принятом по итогам визита Эрландера в Москву, конечно, содержалась и положительная оценка шведской политики нейтралитета.

Ответный визит Н.С.Хрущева в скандинавские страны был запланирован на 1959 год. В документах, подготовленных к этому визиту Отделом скандинавских стран МИД СССР, традиционно подчеркивалось, что, «проводя политику нейтралитета, Швеция делает большой крен в сторону Запада».

В ходе подготовки к запланированному визиту в советском внешнеполитическом ведомстве рассматривалась гипотетическая возможность выхода Норвегии и Дании из НАТО и переориентации этих стран на политику нейтралитета, что наряду с миролюбивой политикой Финляндии и шведской политикой свободы от союзов создало бы предпосылки для превращения Северной Европы в зону мира и спокойствия. Предполагалось, что в этом случае можно было бы поставить вопрос об объединении усилий нейтральных государств Севера с целью создания совместной обороны для защиты их национального суверенитета, а великие державы взяли бы на себя обязательства уважать нейтралитет Севера и содействовать его укреплению. Советский Союз был бы готов сделать это вместе с другими государствами.

Таким образом, не одобряемая в 1948–1949 годах идея создания Скандинавского оборонительного союза на нейтральной основе теперь, в контексте курса на мирное сосуществование, получила поддержку.

В последний момент визит Н.С.Хрущева в скандинавские страны был отменен и состоялся лишь через пять лет, летом 1964 года. Хрущев считал, что отношения со скандинавскими странами у нас хорошие, «если не думать о том, что Дания и Норвегия состояли членами агрессивного военного блока НАТО». В ходе своей трехнедельной поездки по Скандинавии Хрущев не обошел молчанием тему Североатлантического блока. По острому вопросу о членстве Норвегии и Дании в НАТО он высказался на собрании в Народном доме Осло. Подчеркнув положительное значение активной миролюбивой политики Финляндии и политики нейтралитета Швеции, советский лидер заявил, что сохранению мира и спокойствия на Севере Европы также содействует то, что Норвегия и Дания не идут на размещение ядерного оружия и иностранных войск на своих территориях. Сообщив,

что участие Норвегии и Дании в НАТО вызвано «случайным стечением обстоятельств», советский лидер подчеркнул, что «самая надежная гарантия безопасности для таких стран, как Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, это политика нейтралитета, которая признавалась бы обеими сторонами как западными державами, так и социалистическими странами. ... Нейтральный статус государств Северной Европы, получивший международное признание, был бы, конечно, очень выгоден для народов скандинавских стран и в целом для укрепления дела мира». Как известно, идеям Хрущева о нейтрализации всего Севера Европы не было суждено осуществиться.

Основы советской внешней политики по отношению к странам Северной Европы, в том числе Швеции и шведской политике свободы от союзов, заложенные в хрущевский период, сохранились и после октября 1964 года. Перемены в советском руководстве не привели к смене внешнеполитического курса. Северная Европа в период холодной войны играла роль стабилизирующего фактора в глобальном противостоянии двух блоков. В центре северного геополитического равновесия находилась Швеция.

В советских официальных текстах, совместных коммюнике, материалах съездов КПСС соблюдалась традиция лаконично подчеркивать, что СССР высоко ценит проводимую шведами политику нейтралитета. В газетных статьях, политических комментариях и научных публикациях эту дефиницию раскрывали более подробно. В текстах, излагавших концепцию шведской внешней политики, дополнительно обязательно пояснялось, что нейтралитет Швеции не утратил своего буржуазного характера, ориентирован на Запад и что Швеция идеологически близка Западу. Эти и другие недостатки политики шведского нейтралитета объяснялись его классовой ограниченностью. Часто указывалось также на то обстоятельство, что нейтральная Швеция осуществляет военно-техническое сотрудничество со странами – членами НАТО. Такие же характеристики присутствовали во внутренних документах МИД СССР. Бесспорно, что в них сохранилась и подробная информация о широком неофициальном военно-техническом сотрудничестве свободной от союзов Швеции с США.

Шведский нейтралитет был заметным внешнеполитическим феноменом периода холодной войны и существования биполярной системы. После завершения холодной войны, распада СССР и роспуска Организации Варшавского Договора внешнеполитическое значение шведского нейтралитета сни-

зилось. В Швеции возникла дискуссия, а нужен ли он теперь вообще? Еще более важным с политической точки зрения оказался вопрос, нужен ли он был во время холодной войны и не сделали ли шведы ради проведения политики «свободы от союзов» слишком много уступок Востоку или Западу. Стали высказываться предположения о том, что внешнеполитическая линия по отношению к советскому блоку была излишне мягкой. Для изучения политики нейтралитета была создана официальная комиссия.

Естественно, что изменилась и внешнеполитическая концепция Швеции. Вслед за крушением биполярной системы мирового порядка интенсифицировался процесс европейской интеграции. С 1 января 1995 года Швеция стала членом Европейского Союза. Тенденция связывать шведскую политику безопасности с общеевропейской стала доминирующей. В феврале 2002 года в Швеции была принята новая доктрина политики безопасности. Классическую концепцию Эстена Ундена сменило более пространное описание политики безопасности: «Швеция является страной, свободной от военных союзов. Это направление политики безопасности, предусматривающее возможность нейтралитета в случае конфликтов в районах, примыкающих к Швеции, хорошо нам послужило».

Сегодня сотрудничество с Европейским Союзом занимает особое положение как в шведской внешней политике, так и политике безопасности. В Швеции считают, что упрочение её безопасности тесно связано с интеграцией. Подчеркивается также большое значение сотрудничества с соседними государствами, в том числе с великим восточным соседом. Россия рассматривается в качестве ведущего актора региональной и европейской безопасности.

В постсоветский период, когда историкам стали доступны новые документы, а журналисты начали публиковать очерки о ранее замалчиваемых эпизодах холодной войны, появились и новые определения шведского нейтралитета. В Швеции по истечении срока давности были обнародованы ранее секретные документы времен холодной войны, связанные с тем, что советский МиГ в 1952 году сбил шведский самолет DC-3. Это событие долгие годы омрачало советско-шведские отношения. После указанной публикации появились многочисленные отклики и в российских СМИ. Осенью 2003 года газета «Известия» опубликовала статью «Правда о шведском нейтралите». Из нее следовало, что, в соответствии с обнародованными документами,

Шведский солдат (на переднем плане) наблюдает за немецкими военнослужащими, направляющимися в «отпуск». Транзит немецких войск между Норвегией и Финляндией через Швецию осуществлялся в 1940-1943 гг.

самолет DC-3 выполнял разведывательный полет вдоль территориальных вод СССР и передавал собранную информацию американцам и британцам. Газета «Гудок» опубликовала об этих событиях статью под характерным названием «Фальшивый нейтралитет», а газета «Молодежь Эстонии» писала, что полвека назад на дно Балтики вместе с DC-3 отправилась и легенда о шведском нейтралите.

В современном восприятии шведской внешней политики еще сильны стереотипы. Например, уже после отхода Швеции от политики нейтралитета в литовской газете «Veidas» была опубликована статья «Нейтралитет – политическое орудие России», в которой Швеция была названа «формально нейтральным государством». Подобных примеров можно привести немало. Впрочем, в восприятии большинства Швеция нейтральной страной, разумеется, уже не является. Отход Швеции от нейтралитета, который, как в свое время писали отечественные исследователи, «стал для неё не только прочной и длительной традицией, но и своего рода национальным богатством», сказался на образе Швеции в России. Этот образ утратил важный и привычный элемент, который в период глобального противостояния двух систем являлся в целом положительным примером.

Длительный период последовательного осуществления нейтралитетской линии в политике Швеции завершился на рубеже XX – XXI веков. В новой системе международных отношений, возникшей после окончания холодной войны, распада СССР и отхода от биполярной конфронтации, не осталось места для политики нейтралитета на Севере Европы. Финляндия и Швеция вступили в Европейский Союз; Эстония, Латвия и Литва обрели независимость и через несколько лет стали членами Европейского Союза и НАТО. В Скандинаво-Балтийском регионе все чаще стали употребляться понятия «новая Северная Европа» и «Северное пространство» для обозначения складывающейся геополитической общности, обусловленной активными процессами интеграции и регионализации. Понятие «политика шведского нейтралитета» сохранило свое значение лишь как дискуссионный вопрос, часто затрагиваемый в политических дебатах и средствах массовой информации, а также как важная тема исторических исследований.

Алексей Комаров